

Т Е А Т Р

ЗРИТЕЛЬ — СТРОГИЙ И ЖЕЛАННЫЙ СУДЬЯ

3 сентября в Киеве начинается гастроли самой молодой театральной коллентивы Москвы — театр на Таганке. Любопытна история его рождения... Известный актер театра имени Е. Вахтангова Юрий Любимов поставил со своими учениками в театральном училище имени Щукина спектакль «Добрый человек из Сезуана» по пьесе Б. Брехта. Спектакль получил дружное признание. Все были захвачены его свежестью и эмоциональной яркостью. Молодым актерам и их руководителю желали всяческих благ. И еще — не расставаться. И послышалось решение — молодежь заняла место старого театра драмы и комедии, и Ю. П. Любимов, назначенный главным режиссером, перенес спектакль «Добрый человек из Сезуана» теперь уже в «свой» театр, в ряд новых исполнителей.

Премьера состоялась 23 апреля 1964 года. Так родился новый сценический коллентив, с тех пор завоевавший сердца многих зрителей.

Мыслями о театре, о планах труппы делится с читателями «Правды Украины» его руководитель заслуженный артист РСФСР, лауреат Государственной премии Ю. П. Любимов.

Искусство театра — это стремление человека к познанию. Советский зритель — человек высокой интеллектуальной культуры. И у нас, людей, посвятивших свою жизнь театру, должно хватить идейного заряда, прозорливости и таланта, чтобы дать зрителю то, чего он ждет от искусства, работающего на коммунизм.

Признанные реформаторы советской сцены К. С. Станиславский и В. И. Немирович-Данченко, создавая основу нового театра, боролись со сложивши-

мися штампами дурными традициями. Вся творческая жизнь Станиславского — это постоянное стремление к поиску и развитию, а в чем-то и к пересмотру, к опровержению самого себя. Он любил повторять, что каждые пять лет нужно переучиваться, иначе неизбежно опять возникнет новый штамп и трафарет.

Мы все без конца говорим о том, что каждый талант должен иметь свое лицо, свой стиль. В самом деле, что привлекает нас в крупных талантах?

Прежде всего индивидуальность художника, его взгляды, его видение мира, неповторимость таланта.

И еще очень важно в искусстве умение обобщать. Если искусство не вызывает больших обобщений, то оно неизбежно скатится к некоему передразниванию жизни, дешевой похоти, а в результате — к натурализму.

Факт служит толчком, но факт этот непременно должен преломиться в виде обобщения. Дон-Кихот, бравый солдат Швейк, Фауст — это не факты, это плод воображения, плод вымысла. И театр я люблю с воображением, условный. И Брехт, и Чаплин при условности выражения несут в своем творчестве огромное обобщение. Такие же обобщения заключают в себе и драматургия античности, и художники Возрождения, и Шекспир, и Пушкин. Именно поэтому мы находим в их произведениях чувства и мысли, близкие нашей эпо-

хе. Именно поэтому каждая следующая эпоха заново открывает для себя классику. При этом не следует забывать, что все классическое наследие в свое время рождалось как искусство новаторское.

Из чего складывается индивидуальность театра? Прежде всего из своеобразия репертуара. Находить драматургов и толковать их — вот наша почетная задача. Как режиссер, я люблю Брехта. Его слова о том, что театр — это зеркало эпохи, это прежде всего умение заглянуть внутрь человеческой природы, человеческих отношений и увидеть их извне, понять, каковы же силы, двигающие эти отношения, — как нельзя более отвечают почетной задаче современного театра.

Конечно, Брехт не единственный автор нашего театра. Всякая пьеса, которая позволяет делать большие обобщения и требует остроты решения, вызывает у коллектива горячее желание работать.

Меня часто спрашивают, почему наш театр увлекается поэтическими представлениями — «Антимиры» А. Вознесенского, «Пугачев» С. Есенина, «Послушайте» В. Маяковского, сейчас готовим спектакль по поэзии А. С. Пушкина. Здесь нет ничего парадоксального, с нашей точки зрения: поэзия пользуется большой любовью у народа, особенно у молодежи. И хотя театр совсем другой вид искусства, но и он зависит от веяний эпохи. Наша драматургия отстает от поэзии в умении ставить и разрешать настоящие вопросы времени. Так мне кажется.

Киевлянам мы покажем нашу последнюю работу — спектакль по повести Б. Васильева «А зори здесь тихие», полюбившейся читателям. В чем сила этой повести? На мой взгляд, в жизненной правде, в обаятельной авторской искренности, с которой рассказана эта правда, в пленительных образах старшины Васкова и девушек-зенитчиц из его отряда.

И еще одна инсценировка — инсценировка современной поэзии польского писателя Ежи Ставлинского «Час пик», которая привлекла нас остротой конфликта, очень современными характерами, ситуациями, языком.

Читая сегодня об открытиях в области науки и наблюдая, как на стыке разных наук рождается новая отрасль — астрофизика, биохимия, геоботаника, — я думаю о том, что поиск в современном искусстве может быть особенно плодотворен на стыке жанров. Поэтому мечтаем о создании синтетического зрелища, синтетического спектакля. Первые шаги мы попытались сделать в «Добром человеке из Сезуана» и в «Антимирах». То же старались развить в наших работах «Десять дней, которые потрясли мир» по мотивам книги Джона Рида, в «Пугачеве» С. Есенина, «А зори здесь тихие» Б. Васильева.

Говоря о синтетическом театре, мы все больше думаем о таких выразительных средствах,

как пластика, темпоритм, биомеханика, которые в драматических театрах часто забывают. Зачастую драматические артисты вообще позволяют себе работать «вполноги», что приводит в конце концов к профессиональной беспомощности. А отсутствие настоящего профессионального уровня лишает театр возможности построить спектакль точным по форме, сложным и многослойным по построению. Между тем драматическому артисту необходим тот жесткий ритм, который соблюдают такие родственные профессии, как балет, цирк. Исполнители этих сложных профессий отлично знают, что без каждодневного тренажа музыканту не удастся освоить сложную партитуру композитора, танцор не сможет соответствовать замыслу балетмейстера, певец — спеть свою партию.

Искусство — труд. Труд, тяжелый, рассчитанный на подвижников. Когда говорят о тренаже, речь, разумеется, не только о

пластике, ритме, умении двигаться. Такая обычная вещь, как диалог, тоже оказывается, требует актерского тренажа, особой способности к психологическому напряжению. В этом мы еще раз убедились, работая над нашим последним спектаклем «Гамлет» В. Шекспира. Мы сознательно выбираем задачи посложнее — трудности закаляют актера.

И, может быть, наш труд окажется победным — как все художники, мы на это надемся. И тогда, верится, придет в наш театр свой зритель, тот, кто стремится попасть в данный театр, следит за его репертуаром, ждет новых спектаклей. С таким зрителем театру увереннее и веселее живется, потому что у него есть строгий и желанный судья. Именно на такого зрителя мы и рассчитываем, начиная наши гастроли в прекрасной украинской столице.

Ю. ЛЮБИМОВ.
Заслуженный артист
РСФСР.